

ПОВЫШЕНИЕ ДЕЙСТВЕННОСТИ ПРОБАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОФИЛАКТИКИ ПОВТОРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены нормативные новации, введенные законом о пробации, выявлены системные и практические проблемы, с которыми столкнулись субъекты пробации, произведена оценка перспективы достижения заявленных целей в контексте необходимости глубокой трансформации как самих служб, так и смежных социальных институтов.

Ключевые слова: Рецидив преступлений, пробация, уголовно-исполнительные инспекции (УИИ), ресоциализация, альтернативные наказания.

Институт пробации, официально закрепленный в российской правовой системе с принятием Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», стал предметом значительных ожиданий со стороны экспертного сообщества, законодателей и правоприменителей. Он был задуман как качественно новый механизм, призванный преодолеть ограниченность существующей системы уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), традиционно ориентированной на административный контроль. Основная цель пробации – существенное снижение уровня рецидивной преступности через комплексную ресоциализацию лиц, вступивших в конфликт с законом, и их интеграцию в общество.

Теоретически пробация представляет собой синтез надзора и поддержки, социального контроля и социальной работы, выступая альтернативой карательной изоляции. Однако процесс ее имплементации в существующую пенитенциарную и социальную инфраструктуру выявил разрыв между прогрессивным законодательным замыслом и сложностями его операционализации в условиях укорененных институциональных практик, дефицита ресурсов и сохраняющейся карательной парадигмы в общественном сознании.

Закон о пробации ввел в российское правовое поле институт, который, с одной стороны, наследует функции УИИ, а с другой – пытается выйти за их традиционные рамки. С формально-юридической точки зрения пробация определяется как деятельность уполномоченных государственных органов и организаций по социальному и психологопедагогическому сопровождению лиц, находящихся под надзором, а также по контролю за их поведением.

Важной новацией является декларативное закрепление принципа сочетания контроля и помощи. В обязанности субъектов пробации, помимо надзора, вменяется содействие в трудоустройстве, получении образования, медицинской помощи, разрешении социально-бытовых вопросов. Это прямое указание на необходимость перехода от модели административного надзора к модели социальной работы.

Для реализации этих задач закон предполагает взаимодействие Уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости, социальной защиты, образования, здравоохранения, а также с некоммерческими организациями. Таким образом, законодательный дизайн, на первый взгляд, соответствует современным криминологическим представлениям о том, что эффективное противодействие рецидиву требует не только внешнего контроля, но и устранения тех социальных дефицитов и личностных проблем, которые способствуют криминальному поведению.

Однако сам по себе закон является лишь рамочным документом, задающим вектор. Его действенность полностью зависит от подзаконного регулирования, ресурсного обеспечения и, что наиболее важно, от способности и готовности институциональной среды воспринять новые, нетипичные для нее функции. Как отмечает исследователь современной уголовной политики А.П. Дьяченко, «принятие закона о пробации – это лишь начало длительного и сложного процесса институционального строительства, успех которого зависит от преодоления ведомственных барьеров и изменения профессиональной культуры сотрудников».

Практическая имплементация закона о пробации столкнулась с рядом проблемных вопросов, которые ставят под вопрос его эффективность в краткосрочной перспективе. Первый и наиболее очевидный – организационный. Функции по осуществлению пробации были возложены на уголовно-исполнительные инспекции, которые организационно включены в структуру Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН). Это создало внутренний парадокс: новая, по замыслу гуманистическая и социально-ориентированная служба, была помещена в ведомственную среду, чья основная историческая миссия, организационная культура и ментальные установки сотрудников сформированы вокруг задачи надзора и контроля.

Логика исполнения наказаний, основанная на безопасности, единообразии и подчинении, находится в глубоком противоречии с логикой социальной работы, требующей эмпатии, гибкости, индивидуализации и партнерских отношений с подопечным.

Эффективная пробационная работа, предполагающая разработку индивидуальных программ реосоциализации, взаимодействие с работодателями и социальными службами, требует совершенно иного набора компетенций, нежели исполнение наказаний. Необходимы навыки социальной диагностики, основ психологического консультирования, посредничества, знания рынка труда и социального законодательства. Массовая переподготовка сотрудников УИИ в короткие сроки является задачей чрезвычайной сложности. Более того, существующая штатная численность инспекторского состава, рассчитанная на принудительный контроль, неадекватна для ведения интенсивной социальной работы. Инспектор, курирующий сотни подопечных, физически не способен заниматься глубокой индивидуальной работой с каждым из них. Это приводит к формализации процесса: «мероприятия по социальной адаптации» рисуют превратиться в отметку в отчетности, а индивидуальная программа – в шаблонный документ. Без значительного увеличения финансирования, снижения нагрузки на сотрудников и притока специалистов нового профиля (социальных работников, психологов) реабилитационная составляющая пробации обречена оставаться на бумаге.

Закон декларирует необходимость координации с другими государственными и муниципальными органами, однако не создает действенных административных и финансовых механизмов для такой координации. Опыт работы УИИ показывает, что направление осужденного в государственную службу занятости или орган социальной защиты часто является фикцией: эти институты, перегруженные своей основной работой, не имеют ни мотивации, ни специальных программ для работы с лицами, имеющими судимость. Отсутствие законодательно установленной ответственности за отказ в приеме на работу человека, находящегося под пробацией, оставляет проблему трудоустройства одной из самых острых. Как отмечает Я.И. Гилинский, «реосоциализация невозможна в социальном вакууме; она требует изменения не только самого осужденного, но и готовности общества принять его, предоставив легальные возможности для самореализации». Таким образом, пробация рискует стать островком прогрессивных идей в море системного безразличия, где сотрудник инспекции, даже обладая лучшими намерениями, не сможет преодолеть стену социального отторжения и бюрократических барьеров.

Несмотря на перечисленные трудности, создание законодательной базы для пробации является исторически важным шагом, открывающим пространство для последовательных

реформ. Дальнейшая эффективность этого института в снижении рецидива будет зависеть от способности государства и общества преодолеть системные противоречия. Первостепенное значение имеет создание Федеральной службы пробации как полноценного гражданского института и подчинения Министерству труда и социальной защиты. Это позволит целенаправленно формировать новую организационную культуру, ориентированную на помощь и реабилитацию, и привлекать специалистов из сферы социальной работы.

Вторым ключевым условием является внедрение научно обоснованных методик работы. Речь идет о повсеместном использовании стандартизованных инструментов оценки рисков и потребностей осужденных. Такие инструменты позволяют не интуитивно, а на основе эмпирических данных выявить факторы, наиболее сильно влияющие на риск рецидива у конкретного человека: антисоциальные установки, криминальные связи, проблемы с управлением гневом, наркозависимость, отсутствие образования и профессии. На основе этой диагностики должна строиться индивидуальная программа сопровождения, где контрольные меры (частота явок, ограничения) пропорциональны уровню риска, а основная ресурсная нагрузка направлена на удовлетворение выявленных потребностей через направление на соответствующие программы.

Наконец, необходимо создание реальной, а не декларативной инфраструктуры поддержки. Это предполагает:

1. Развитие государственного заказа на услуги по ресоциализации для НКО, которые обладают уникальным опытом и доверием у маргинализированных групп.
2. Введение механизмов экономического стимулирования для работодателей, принимающих на работу лиц, находящихся под пробацией (налоговые льготы, компенсации затрат на переобучение).
3. Создание при центрах занятости специальных программ адаптации и квотирования рабочих мест для данной категории граждан.
4. Организацию сети кризисных поддерживающих жилищ для тех, кто не имеет возможности вернуться в семью или не имеет жилья.

Без построения такой комплексной экосистемы поддержки пробация будет обречена выполнять лишь функцию «учета и контроля», фиксируя социальные провалы, но не имея возможности их предотвратить.

Таким образом, современный этап становления пробации в России представляет собой сложное и противоречивое явление. С одной стороны, законодательное закрепление этого института является признанием неэффективности чисто карательных подходов в профилактике повторной преступности и соответствует общемировым тенденциям гуманизации уголовной политики. С другой стороны, реальная практика его внедрения демонстрирует глубокий разрыв между амбициозными целями и институциональной инерцией существующей системы. Риск заключается в том, что пробация может быть поглощена и трансформирована старой пенитенциарной логикой, оставшись инновацией лишь на уровне риторики и отчетных показателей.

Список литературы:

1. Дьяченко А.П. Современные тенденции развития уголовно-исполнительного законодательства // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 87-99.
2. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2019. – 550 с.
3. Клейменов М.П. Криминология. – М.: Норма, 2022.

